

Мария Малухина

МИНИМУМ БАГАЖА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ **18+**

Ковчег (ИД Городец)

Мария Малухина
Минимум багажа

ИД «Городец»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Малухина М.

Минимум багажа / М. Малухина — ИД «Городец»,
2020 — (Ковчег (ИД Городец))

ISBN 978-5-907085-74-9

Двадцатисемилетняя Аля – переводчик-фрилансер и преподаватель английского – приезжает в Болгарию вместе со своим бойфрендом Гошей отдохнуть. В один жаркий летний день прямо на пляже Аля принимает решение, которое изменит ход ее жизни, – она бросает Гошу и отправляется в путешествие, в свой собственный «анабазис» – прочь от моря, вглубь страны. Алино путешествие – это побег, ей кажется, что она спасается от новых людей и обстоятельств, но на деле лишь убегает от самой себя.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907085-74-9

© Малухина М., 2020
© ИД «Городец», 2020

Содержание

Прочь от моря	6
Часть 1. От моря	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мария Малухина

Минимум багажа

© М. Малухина, 2020
© ИД «Городец», 2020

* * *

Памяти моей крестной Веры

Прочь от моря

Роман

Часть 1. От моря

Глава 1

Было так: изнанки век светились теплым – коралловым, почти оранжевым. Солнце к 11 утра дошло до уровня глаз. Наверное, пора было спустить солнечные очки на нос – но тогда вокруг глаз останутся светлые круги и будет дурацкий загар. Стоит ли? Сегодня, наконец, море успокоилось, и волны звучали тише. Дети вокруг, наоборот, с каждым днем становились все слышней и осязаемей – раз в несколько минут Алины ноги засыпал песком пробегающий мимо ребенок. Она морщила нос, стряхивала песок нервным движением – открывать глаза было лень, поэтому она никогда не знала точно, что валилось с обгоревшей голени – мягкие частички Солнечного берега или очередная курортная муха. Мух, как и остальных насекомых, Аля боялась, поэтому каждый раз на всякий случай трясла ногой быстро и отчаянно – чтобы наверняка.

Слева пожилая немецкая пара обсуждала отложенный немкой на край бамбуковой подстилки пухлый пейпербэк. Название Аля не знала, но, судя по ухваченной мельком черно-белой обложке с замершей в пустынном сквере парой мужчин в толстых пальто и фетровых шляпах, простой черный чемодан на скамейке между ними – ничего подозрительного, просто два герра присели покурить пасмурным тиргартенским деньком, проходите, пожалуйста, мимо – это был медленный и основательный шпионский детектив.

Школьный немецкий почти забылся, но тем больше была радость узнавания – в каждой слышимой фразе встречалось хотя бы одно смутно знакомое слово. Вместе со словами приходил апрель – девятый класс, окно нараспашку, напротив него, на задней парте, – Аля, во рту – ручка с прокушенным почти насквозь колпачком, откуда-то издалека, от доски, доносятся спряжения немецких глаголов, но какая разница, оканчиваются они так или эдак, когда из окна льется такое свежее солнце.

Сегодня солнце было другое – многоваттный небесный прожектор болгарского лета к 11 утра жарил так, что по загорелому Алиному боку опять пробежала тонкая струйка пота – пора было идти в воду.

– Ну что, пошли окунемся? – донеслось справа.

Звук поднимающегося тела, тысяча песчинок – или десяток мух? – опустившихся ровным слоем на Алину кожу. Пришлось открыть глаза, сесть, отряхнуть с живота гадость. Песок, конечно, но все равно противно.

– Ты идешь? – это Гоша.

Го-Ша – так Аля любит в уме раскладывать его имя на два.

«Го» – как «иго-го!» и как странная восточная игра в Го. Как ночные гонки вдвоем по пустому круглосуточному гипермаркету: он – за рулем-ручкой, она – в продуктовой тележке. Так прекрасно, что кажется – не с тобой. И как невыносимые дни, когда он сидит, уткнувшись в свои коды, и не разговаривает – вообще, совсем, никак. Немножечко аутист, ну точно где-то в рамках спектра, без диагноза, конечно, – дотащишь его до диагноза – в легкой форме, полностью функциональный, даже и не стоит особо беспокоиться, как пишут на форумах.

И «Ша» – как в стишке из детства, из кассилевской Швамбрании, застрявшем в голове навсегда: «Мухомор-Поган-Паша... Точка – и ша!»

* * *

Аля пыталась уйти три раза – и это за полтора года, но каждый раз не получалось.

Первый раз – трусливо. Гоша уезжал в Питер на какой-то их форум – новые технологии, разработка приложений, оптимизация, Алечка, ну сколько можно тебе объяснять, смотри, вот есть фронт-энд, а есть бэк-энд, ну как ты не понимаешь.

Как только в окошке их разговора на фейсбуке появилась присланная им фотка с синими сапсановскими креслами, Аля заметалась по квартире. Она никогда не умела паковать, всегда валила все в чемодан в одну кучу. Так и сейчас – силиконовые формочки для кексов, лифчики, одно дорогущее платье и три дешевых шведских толстовки, электрическая зубная щетка, вибратор в маленьком пластиковом пакетице из бижутерного магазина, таблетки от аллергии. Что еще? Телефон-айпад-плеер – все в сумку, кошелек туда же. Карточка рубли, карточка евро, карточка доллары, наличка из предыдущей поездки в Амстердам – оставшиеся двести с копейками в длинном конверте. Мамин вязаный плед – не оставлять же, не простит. Кот.

Кому кота? С Гошей он долго не протянет – к огда Аля заезжала в Гошину квартиру за четыре месяца до, на подоконнике стояла шеренга засохших орхидей в одинаковых ашановских горшках.

– Зачем ты их все время покупаешь, они же мрут у тебя раз в месяц, ты же их не поливаешь никогда. Тебе не жалко?

– Алечка, я их люблю. – На следующий день в Ашане около дома Гоша протянул ей очередной горшок с дрожащим хищным бутонем.

Когда-то давно она прочла рассказ Герберта Уэллса о прекрасных орхидеях, сосавших кровь своего садовода. С тех пор при виде орхидей в ее голове всегда всплывала картинка уэллсовской мрачной оранжереи. Там, наверное, висел страшный запах: парниковая духота, сладкий аромат цветков и железистая база разлитой по полу крови – ольфакторный кошмар бессонной подростковой ночи – как после такого заснешь?

– Я их люблю, понимаешь? Ну что, какую выберем – фиолетовую или белую?

Пока Аля поглаживала пальцем мясистый орхидеин лист, – торчащие из горшка корни выглядели вполне невинно и не тянулись к синим венкам на ее запястье, – Гоша притащил со стеллажа у входа рядом с тележками еще один горшок – на выбор.

Они взяли обе – и фиолетовую, и белую, а потом, еще через месяц, к орхидеям прибавился зашедший в квартиру однажды вечером – как будто так и надо, как будто это всегда был его законный дом, – непонятого происхождения годовалый рыжий кот. Теперь каждое утро у Али начиналось с хлеба с арахисовым маслом и бананами – себе, яичницы – Гоше, дальше корм – коту, воду – орхидеям. Залить – дать постоять – вылить.

А Гоша в это время их всех любил – цветы, кота, Алю – не заботился, не кормил, не поливал, а просто непрерывно любил.

Она, конечно, не ушла в тот раз. Распаковала чемодан, разложила все по местам, приготовила через два дня к его приезду сложный ягодный пирог – песочная база, выпекаем отдельно, сверху сухую фасоль, чтобы придавило и пропеклось, – надо же, с первого раза, и получилось, – и так ничего ему не сказала. Что можно сказать в ответ на любовь?

* * *

Второй раз случился прошлым летом – они шли ночью по каким-то переулкам в районе Чистых, днем стояла такая духота, что казалось, ночь – единственная возможность существовать, дышать, думать, говорить о чем-то.

Они возвращались с домашней вечеринки ее друзей – там все было как обычно, она хохотала и пила вино, а он сидел и молчал, изредка отвечая на кидаемые ему из вежливости, а может, просто из жалости, вопросы. Чем больше он молчал, тем больше она пила, прекрасно зная, впрочем, что вино в таких количествах ей нельзя, – от вина она быстро и плохо пьянела, потом смеялась к месту и нет, заговаривалась, опять смеялась, – но в этот раз так было можно, это были старые друзья, и они пили не меньше.

Он совсем закрывался в компаниях, и, глядя на него, уставившегося куда-то в тарелку с салатом или в экран телефона, казалось, что никогда и не было тех всплесков бурного, невероятного веселья, которые иногда случались с ними наедине и которые она так любила.

Аля и Гоша шли, и навстречу им попадались небольшие группки хорошо одетых молодых людей, таких же, как она. Пьяных, вкусно пахнущих духами, совершенно потерянных в своих небольших, почти тридцатилетних жизнях.

Наконец около переполненных мусорных баков ее прорвало.

– Долбанный аутист! Ненавижу, как же я тебя ненавижу, боже мой! Ненавижу! – она кричала, почему-то очень отчетливо представляя, как это выглядело со стороны.

Вот – Алечка, в белом льняном платье и белых же кроссовках, волосы – наверх, помада-шанелька была в начале вечера, оттенка пламп руж, а теперь вся съелась. На губах вместо нее – некрасивые черные корочки – следы вина. Стоит, опершись рукой на темный край помойки. Бачок пахнет невыносимо – банановой кожурой, прокисшим творогом, сырым мясом.

– Я больше не могу так, не могу! – Она садится на тротуар, прямо так, прямо своим льняным белым платьем, и через расплывающуюся оптику слез смотрит на Гошкины кеды – так красные, а так, если прищурить глаза и поймать свет от фонаря – фиолетовые.

Кеды делают два шага к ней, потом появляется его рука, вторая, он поднимает ее на ноги, накидывает на плечи свою толстовку, доводит в обнимку до круглосуточной едальни. Там она запросто за пять минут приканчивает необъятную тарелку пасты, а он смотрит на нее и молчит.

Он заказывает ей кофе, и, пока она выводит на пенке параллельные линии – все, что она может сказать о своей дрожащей, пьяной душе – прямо тут, внутри кофейной чашки, ты только посмотри, Гоша, посмотри! – он вызывает в приложении такси.

Через десять минут они дома, он снимает с нее кроссовки и платье, накрывает ее одеялом, гасит свет и целует в щеку. К ней тут же запрыгивает кот – хоп, и он мгновенно привалился своим толстеньким теплым боком к ее локтю. Она закрывает глаза. Во рту – призраки вина, пасты, кофе, все вперемешку. И в голове вперемешку – коротенькие, драные мысли:

– Наверное, все в порядке.

– Наверное, так надо.

– Завтра – посмотрим.

– Сейчас – спать.

На следующий день Гоша – долбанный аутист и передатчик длинных волн любви – ничего ей не сказал. И Аля опять оставила все как есть.

* * *

Третий раз – свежий, совсем недавний. Тогда и надо было уходить. Задержка, полоски, утром на такси до гинеколога, минимальный срок, таблетка. Даже не пришлось ничего ему объяснять.

Когда она приехала домой – немного тошнило, тянуло низ живота, вот, сейчас-сейчас, должно начаться, – и плюхнулась на диван в гостиной за его спиной, еще пару минут он сидел носом в компьютер, не разворачиваясь. В его наушниках громко играла музыка – Аля не могла различить, что именно, наверное, какой-то изощренный фанк никому, кроме него, не известной инди-группы.

Потом он вдруг дернулся, развернулся – увидел ее в отражении монитора. Стащил наушники, улыбнулся.

– Аль, я билеты купил. Погнали в Болгарию через три недели. У тебя же есть шенген?

У нее были деньги – фрилансовые переводы и репетиторство приносили достаточно, она не была на море вечность. Надо ехать, надо ехать – промывать нос, полоскать горло – зайти подальше от берега, набрать соленой воды – выдуть, выплюнуть, скорчить рожу, мучиться жаждой весь заплыв до самого берега, потом не болеть после сентябрьских промоченных ног. До октября, конечно, хилый защитный экранчик морского иммунитета не дотянет, но хотя бы сентябрь без соплей, хорошо же, надо ехать!

Глядя на себя в зеркало в ванной – Гоша уже спит, а она сидит тут на бортике, ждет десять минут, пока можно будет смыть маску из на словах голубой (а на лице просто белой, вот же жаль) глины – она говорит вслух своему отражению:

– Но ты же не любишь море!

– А поедешь как миленькая, – говорит отражение маминым голосом и открывает кран.

– Точка, и ша! – Она набирает в ладони теплую воду, и маска начинает медленно, неровными пластами сходить с Алиного лица.

* * *

Это был седьмой день на пляже, впереди было еще столько же.

Аля почти физически ощущала, как желудок борется с утренним пляжным блинчиком – слишком сладким, слишком большим, слишком горячим. Здесь вообще всего было слишком – слишком яркое солнце и слишком мелкий песок, который проникал через купальник и потом оседал сероватыми полосками на кафельном полу гостиничного душа. Только само море было в самый раз – успокоившееся, прибившее все ненужные ему водоросли к берегу, прозрачное, несоленое.

Если бы можно было каким-то божественным фотошопом отделить воду от суши, пиксельным указующим перстом обвести эту текучую поверхность, переместить ее в белый вакуум чистого файла, прыгнуть с разбегу – и сохраниться вместе с этим морем в какой-нибудь неочевидной компьютерной папке: диск C/Документы/Работа за декабрь/проект 12/менятутнет. jpg

– Ты идешь? – это Гоша. Выбритые виски, поджарый, очки в модной деревянной оправе. – Ты идешь?

Аля опустила на нос солнечные очки и зарыла пальцы ног в обжигающий песок – почти сразу, через две-три секунды, кожу начало печь.

– Ты знаешь... Я никуда не иду.

– Посидишь еще погреешься? Я пойду тогда до вторых буйков доплыву, но ты присоединяйся, когда дозреешь, – я как раз обратно плыть буду.

– Не, Гош. Мне уйти надо, прямо сейчас.

– В номер?

– Нет, вообще. – Пальцы под песком пекло так, что было невозможно больше терпеть.

Аля подтянула ноги в тень зонтика.

– В смысле, Аль?

– В смысле от тебя.

Аля поднялась с полотенца, потянулась за развешенной на зонтичных перекладинах одеждой. Натянула шорты, майку, вытянула из-под майки сырой лифчик купальника. Краем глаза проверила – нет, так и стоит, не двигается, смотрит вперед.

Аля кинула в рюкзак читалку киндл, бутылку воды, рука потянулась за кремом от загара, но передумала – ему нужнее будет.

– Ты ничего не скажешь? – Аля прикоснулась кончиками пальцев к его обгорелому плечу, потянула за отходящий кусочек кожи, отделила целый ошметок прозрачных отживших клеток, скатала его в трубочку между большим и указательным пальцем.

– Если ты сейчас уйдешь, я больше тебя не спасу, – Гоша смотрел на море, не поворачиваясь.

– Мне не надо, – прошептала Аля ему на ухо, чмокнула в соленую щетину, развернулась и быстро зашагала наверх, в гору, к отелю.

Она зачерпывала шлепками песок, как воду. Песок жег ноги, солнце – плечи. На границе пляжа с асфальтированной дорогой Аля наступила в чье-то растаявшее мороженое, и теперь с каждым шагом правая подошва отлипала от дороги со смешным чавкающим звуком. Она почти бежала – впереди был долгий день.

* * *

В номере отеля было прохладно – уходя утром, они оставили включенным кондиционер. Аля скинула с себя одежду и залезла в душ, повозилась с ручкой крана, чтобы поймать нужную температуру – холодную, но не ледяную – надо было остудить горящую голову и подумать, что делать дальше.

Машинально вода мыльной мочалкой по одному и тому же участку на животе, она перебирала в голове варианты. Их было не так много, всего два – попробовать заказать билеты в Москву – на сегодня, на завтра – чем скорее, тем лучше, или...

Что означало это «или», Аля точно не знала. По шенгенской визе она могла быть в Европе девяносто дней без перерыва – три месяца без необходимости приезжать в Москву к Гоше, забирать вещи, искать съемную квартиру где-нибудь на Китай-городе с хорошими соседями, кантоваться, пока не найдет, у родителей. От этого было не убежать, но можно было оттянуть до самой осени.

Она посмотрела на белый призрак купальника на ее загорелом теле, на малиновые обгоревшие плечи. Невозможно было представить, что когда-то будет осень.

Можно, конечно, махнуть в Лиссабон или, еще лучше, в Рим, потом в Берлин, потом – куда-нибудь в Швецию, помотаться по Европе, навестить всех своих друзей, раскиданных равномерно по карте; но на такой марш-бросок денег могло и не хватить. На карточке лежали отложенные с тучных весенних месяцев бесконечных письменных переводов тысячи, но они, как Аля прекрасно знала, имели свойство испаряться быстро и бесследно с веселым кассовым пиканьем бесконтактного пластикового чипа.

Учеников тоже не хватало – в сентябре, конечно, вернутся отпускные менеджеры и студенты с ровным летним загаром и напрочь забытым английским, но на них сильно рассчитывать не приходилось. Половина все равно не захочет заниматься по скайпу, боясь плохой связи, но больше собственной лени – отменить занятие гораздо легче, когда репетитор от тебя за пару тысяч километров, а не в двух станциях метро.

Оставалось третье. Аля вылезла из душа, наскоро вытерлась полотенцем, натянула первые нащупанные в чемодане трусы и открыла приложение «Карты» в планшете.

Синяя пульсирующая точка геолокации показывала ее положение. Движением пальцев по экрану она отдала карту, перевела взгляд с ровной зелени приморской части Болгарии на запад – там условными коричневыми кляксами темнели горы.

В голове почему-то всплыла фраза: «Будейовицкий анабазис Швейка». В четырнадцать лет, как раз на середине ставших потом любимыми гашековских походов, ей безумно понравилось это слово – «анабазис». В нем чудился какой-то головокружительный оксюморон: спокойная солидность «базиса» в самом начале, даже до обретения этого спокойствия, похеренная легкомысленным «а на?».

Она, конечно, сразу же полезла смотреть значение в толковом словаре. Оказалось, что изначально «анабазисом» называли военный поход из низменной местности в более возвышенную, например, с берега моря внутрь страны. Словарная формулировка, как выяснилось, крепко засела у нее в голове, и теперь, тринадцать лет спустя, с легкостью выпала с какой-то дальней полочки Алиного мозга прямо в ее распахнутое сердце.

Глава 2

Аля катила свой серый потрепанный чемодан по главной прогулочной улице курортного Созополя. Они с Гошей остановились в простенькой гостинице на береговой линии – прямо напротив пляжа, но следующую ночь надо было провести где-то подальше, в Старом городе. Нельзя было случайно наткнуться на Гошу в каком-нибудь ближайшем к их гостинице ресторане. Она, правда, подозревала, что он не выйдет из комнаты – ни сегодня вечером, ни завтра, схлопнувшись моллюском в горячих, пахнущих морской солью простынях. Но лучше обойтись без рисков – так, на всякий случай. В конце концов, пока что ей удалось уйти дальше, чем во все предыдущие разы.

Она совершенно не представляла, в какую гостиницу податься на ночь. Правда, совсем рядом с их отелем расположился зачарованный сад, к которому прилагались довольно обшарпанные апартаменты. Два дня назад она затащила туда Гошу – не смогла пройти мимо.

Она ходила по дорожкам, аккуратно трогала прохладные соцветия, сделала сорок фотографий на телефон – никогда, никогда беспомощная маленькая линза не передаст этот цвет и этот свет, но надо было хотя бы оставить себе напоминание среди бесконечных фото кофейных чашек и кота, что, да, был такой день, а в конце дня был взрыв лиловых и розовых кустов флоксов на закатном – кровь с молоком – небе.

Заметив их, на веранду дома вышла хозяйка апартаментов – сухая старушка в такой же яркой, как ее цветы, кофте. Она поприветствовала их по-болгарски, Аля ответила сначала на английском, но, увидев, что женщина ее не понимает, перешла на русский.

Пожилая болгарка помнила язык – во времена ее юности русский повсеместно учили в школе, и через пять минут она уже поила Алю и Гошу холодным айряном, усадив их за крошечный садовый столик.

Женщина говорила о цветах, как обычно говорят о мужчинах – раз в несколько лет в ней вспыхивала новая страсть, и она целиком засаживала сад очередным увлечением. До флоксов у нее был долгий роман с пионами – сорта семян назывались совершенно умопомрачительно: «Сара Бернар», «Мисс Америка», «Аншантресс», «Глэдис Тейлор» – все эти Канны и Голливуды, правда, разбавлялись иногда ностальгическими и приятными болгарскому уху «Академиком Цициным» или «Аркадием Гайдаром» прямых российских поставок.

Но в конце концов пришло особо безжалостное лето, и актрисы с академиком полегли, несмотря на выверенную по часам систему полива и ухода. Тогда-то и появились флоксы.

Аля слушала ее вполуха, держа на губах маленькую вежливую улыбку. Она думала о том, как хорошо, наверное, просыпаться здесь рано утром и, сбегав со второго этажа вниз, пить кофе, сидя прямо на кафельных ступеньках у входа, одуревая от запаха еще тяжелых, дрожащих от утренней росы кустов.

Где-то в середине дежурных расспросов о том, откуда, как давно приехали, как вам наше море – неделю назад совсем было зеленое от водорослей, но сейчас поспокойнее, вот увидите, через пару дней будет полный штиль, – диалог этот нехотя поддерживал Гоша, – Аля вдруг очнулась и, передернув плечами, отогнала от себя призрак идеального утра.

Закат почти погас, наступили мягкие морские сумерки – надо было искать, где бы поужинать. Аля взяла у старушки визитку с названием апартаментов и имейлом, выделенным аккуратным наклонным шрифтом. Удивленная продвинутой пожилой дамой, она не удержалась от комплимента. Болгарка рассмеялась и, вынув из нагрудного кармана ручку, написала на обороте визитки свое имя крупными печатными буквами.

– Добавь меня на фейсбуке, дорогая. Приедете на следующий год ко мне, дам вам хорошую скидку. – Женщина поднялась с места и направилась внутрь, к стойке рецепции. – Подожди, не уходите еще пока, я вам что-то принесу.

Она вернулась с небольшим прозрачным пакетиком и протянула его Але.

– Флоксы мечтательные, – с улыбкой сказала болгарка. – Посади где-нибудь в деревне или на даче – как раз к свадьбе вырастут.

Потом, после того как Аля действительно посадит их в землю, она из любопытства залезет в интернет, и поиск выдаст, что приятную старушку подвел русский язык – флоксы окажутся всего лишь метельчатыми. Аля, впрочем, предпочтет эту правку проигнорировать.

Но пока она катила своей чемодан мимо старушкиного сада – никакой утренний кофе и хорошая скидка не могли заставить ее объяснять разговорчивой хозяйке апартаментов, почему она вдруг решила воспользоваться ее приглашением значительно раньше, чем предполагалось.

* * *

На улице совсем стемнело. Хотя Аля уже прошла несколько неплохих гостиниц, ее тянуло дальше, мимо шумного, кишашего туристами променада, плотно по обе стороны застроенного барами с громкой живой музыкой, лотками с уличной едой и механами – маленькими семейными тавернами с традиционными блюдами в глиняных горшках.

До самого нутра Старого города оставалось всего минут пятнадцать, но, пройдя еще немного в постоянном потоке быстро сменяющих друг друга запахов готовящейся еды, она вдруг поняла, что должна съесть что-нибудь прямо сейчас. Чемодан вдруг стал невозможно тяжелым, музыка, доносящаяся, кажется, сразу со всех сторон, застучала в висках и грозила вылиться в головную боль.

Аля знала, когда наступал критический момент – высшая точка голода, организм, независимо от ситуации, заdraивал какие-то свои внутренние люки, блокировал сенсоры и опускал ее на ближайшую доступную поверхность сидеть и ждать – либо заказанной еды, либо приступа детской беспомощной истерики с неостановимыми слезами и разрывающим чувством жалости к себе – тут выбор был за ней.

Она ускорила шаг – садиться есть рядом с караоке-отдыхающими не хотелось – и вышла на небольшую аллею, ведущую в сторону пляжа. Мощная дорожка вывела ее на нависающий прямо над морем пятачок, который делили между собой два ресторана. Их летние веранды плавно перетекали одна в другую, так что различить, в каком из них ты находишься, можно было только по цвету скатертей и общей сервировке столов.

Несмотря на близкое соседство, к вопросу декора заведения подходили по-разному – ближний к Але ресторан явно стремился перещеголять своего более расслабленного соседа –

каждый стол белел свежей скатертью, матовые серебристые кольца держали тканевые салфетки, стулья прятались под мягкими чехлами.

Понимая, что надо бы начинать экономить, Аля потащила чемодан к дальним столикам второго ресторана и плюхнулась на жесткую скамейку, положив локти на лакированные деревянные доски не самого чистого стола. Подошедшая тут же официантка положила перед ней меню, и Аля начала листать ламинированные страницы. У нее не получалось сосредоточиться на выборе еды – она пробежала глазами названия блюд по нескольку раз, но мысли отказывались цепляться за прочитанное.

Аля подняла голову от меню. В соседнем ресторане на столах зажигали свечи. Компания французов, оживленно что-то обсуждая, щелкала мидии из стоящих перед ними ведерок. Она повернула голову направо – официантка, стоя в дверях ресторана, смотрела в ее сторону. Аля виновато улыбнулась и сделала вид, что продолжает изучать меню. Ей безумно хотелось пересесть за белый столик соседнего ресторана, но было неловко уходить прямо из-под носа официантки. Аля пролистнула еще две страницы, вздохнула, перевела взгляд на море. Почти полная луна разливалась по волнам, отражаясь в маленьких переменчивых водных пиках, превращая море в живое, светящееся, находящееся в непрерывном движении тело.

Аля резко отодвинула скамейку, поднялась, взяла сумку и чемодан и, не глядя на официантку, переместилась к конкурентам. Она выбрала столик на крайней линии, так что ее и море разделяли только подрагивающие на ветру нежные цветы в глиняных горшках. Ей даже не нужно было меню, она точно знала, чего хочет, и через пять минут на столе перед ней появились два ведерка – одно с пряными скорлупками мидий, второе – с бутылкой молодого белого, уместившегося в ледяной крошке.

Официант налил ей вина, и, когда он отошел, Аля чокнулась с пустым бокалом на другой стороне стола, предназначенным для ее несуществующего кавалера.

– За несуществование! – она выпила весь бокал залпом и откинулась на мягкую спинку стула.

Ей наконец-то было хорошо.

* * *

Аля закончила есть и допила вино одновременно с французами, и как-то незаметно для самой себя, расплатившись, пошла вслед за ними – конечно, соблюдая приличную дистанцию.

После выпитой почти целиком бутылки ее штормило, она пару раз споткнулась на крупных камнях набережной и безумным усилием воли убедила себя идти дальше за французами, вместо того чтобы попробовать залезть прямо с чемоданом – очень хотелось! – в одну из пришвартованных у причала бело-синих рыбацких лодок.

Совсем скоро иностранцы свернули на узкую мощеную улицу, и Аля, повернув вслед за ними, оказалась в Старом городе. Дома здесь выглядели невероятными гибридами старорусских бревенчатых теремов и немецких фахверков. Над основательными, чаще каменными первыми этажами нависали, опираясь на бревенчатые балки, деревянные вторые этажи с массивными ставнями.

Группки туристов – семьи с детьми, идущие в обнимку парочки, подружки-пенсионерки – неторопливо перемещались по хорошо освещенным маршрутам – от сувенирной лавки к ювелирному магазину, от кафе-мороженого к коктейльному бару. Засмотревшись на писанного маслом радужного дурковатого кота в витрине одной из лавок, Аля почти потеряла из виду своих французов, но вовремя выхватила в толпе красное пятно футболки одного из них и поспешила за ним.

Свернув еще раз, Аля оказалась на тихой улочке с увитыми виноградными листьями домами. Французы как раз заходили в один из них. В голове у Али вдруг пробежала мысль – а

вдруг это не отель? Вдруг они просто снимают квартиру? Она знала, что в таком состоянии вряд ли найдет дорогу обратно к набережной. На шее выступили капли пота, ее резко затошнило.

Однако, заставив себя сделать несколько шагов в сторону светящегося дверного проема, она увидела, что все же не ошиблась – это действительно была гостиница.

Французов не было видно – забрав ключи, они разошлись по своим номерам. Аля толкнула стеклянную дверь и втощила чемодан в светлое отельное лобби.

Она не помнила своего разговора с девушкой на рецепции – внезапно для себя она очнулась на лестнице, ведущей на второй этаж. Одной рукой она пыталась тащить чемодан, в другой сжимала банковскую карточку и ключ от номера 24. Бросив карточку и ключ в сумку, она взялась за пластиковую ручку двумя руками и в несколько чемоданных рывков оказалась на площадке второго этажа. Покатила чемодан по коридору и чуть не опрокинула оставленную рядом с ее номером уборочную тележку.

Пока Аля пыталась нащупать в сумке ключ от комнаты, ее взгляд упал на один из лотков тележки – там, рядом с моющим средством, лежала початая пачка «Мальборо».

Выудив ключ и не с первой попытки соединив его с замочной скважиной, Аля втощила чемодан в темень номера и бросила сумку на пол. Перед тем как захлопнуть за собой дверь, она протянула руку в дверной проем и схватила сигареты с тележки, чудом опять не перевернув всю конструкцию на пол.

В номере, не снимая босоножек и не включая свет, Аля рухнула на большую двуспальную кровать. Выученный в студенческие годы «антивертолетный» трюк – лечь на кровать и поставить одну ногу на пол – не помогал, голова все равно шла кругом.

Она стащила с себя шорты и майку и, рывком подняв себя с кровати, в одном белье вышла на балкон, захватив вывалившуюся из кармана шортов пачку. Слава уборщице, рядом с сигаретами внутри пачки темнела маленькая зажигалка.

Аля не курила два года и до сегодняшнего вечера не собиралась ломать бывший хорошим поводом для гордости рекорд. Рухнув на дачный пластиковый стул и закинув одну ногу на другую, она щелкнула зажигалкой и с третьей попытки высекла слабый огонек.

С непривычки у нее запершило в горле и еще больше закружилась голова. Она затянулась еще раз и еще – чтобы внутренний голосок разочарования задохнулся, наконец, в крепком дыме. Сегодня так было можно.

Докурив сигарету и затушив бычок о каменный балконный бортик, Аля вернулась в номер, зашла в ванную комнату и встала под душ. Ее стошнило. Она смыла неперевааренную кашу из мидий и вина в сток душевой кабины и, не вытираясь, вернулась в комнату.

Она упала голой на кровать и моментально улетела куда-то к непрерывно пересекающимся, вырастающим друг из друга гигантским и микроскопическим разноцветным кругам, которые, впрочем, скоро превратились в спокойную черноту сна без сновидений.

* * *

Аля открыла глаза и тут же перевернулась на живот, зарылась лицом в подушку – через незадернутые шторы прямо в глаза ей било солнце. Упершись руками в матрас, она подняла себя в полувертикальное положение и тут же рухнула обратно – тело отозвалось на резкий подъем уколom головной боли.

Она посмотрела на часы – половина одиннадцатого, через полчаса пора освобождать номер. Поднявшись с кровати, она поочередно открыла все шкафчики и ящички в номере в поисках какой-нибудь шоколадки или пачки печенья, но ни сэжков, ни маленького холодильника с напитками втридорога отель не предлагал.

У нее оставалось время, чтобы быстро принять душ. Не отличавшаяся особой брезгливостью в вопросах еды, спокойно евшая из одной тарелки и пившая из одной бутылки, Аля

была нервно чистоплотна – по мнению ее бывших бойфрендов и подружек, с которыми она часто делила квартиры, она слишком часто принимала душ и мыла руки. Руки, действительно, сохли от постоянного мытья, поэтому в каждой ее сумке всегда валялось по нескольку тюбиков разных кремов – она всегда забывала, что у нее уже есть, и покупала новый про запас.

Наскоро помывшись и натянув короткое синее платье с легкомысленными розовыми совами, Аля еще раз обошла номер, проверяя, не валяется ли чего на полу или под кроватью. Взяв телефон с прикроватной тумбочки, она поняла, что не заряжала его со вчерашнего утра. В строке извещений горело несколько конвертиков с имейлами, но, когда Аля попыталась открыть почту, телефон немедленно потух.

«Зато никаких мук выбора с завтраком. Завтракать будем в месте с зарядкой», – подумала Аля и, вытащив чемодан из номера, заперла комнату на ключ.

Горничная еще не вернулась к своим обязанностям – видимо, ждала чек-аута постояльцев, поэтому тележка так и стояла рядом с дверью номера 24. Аля положила пачку на то же место, предварительно вложив внутрь монету в два лева.

Она потянулась, покрутила головой из стороны в сторону, похрустела пальцами.

«Вместе с зарядкой в месте с зарядкой», – Аля улыбнулась своему дурацкому каламбуру и повезла чемодан к лестнице.

* * *

Место с зарядкой нашлось прямо на соседней улице – небольшое кафе с огромными порциями на простой белой посуде, именно ухваченные краем глаза горы салата на тарелках посетителей заставили Алю, шедшую быстрым шагом мимо, притормозить и зайти внутрь. Розетка, что удивительно, нашлась прямо на веранде. Аля села у стены под навесом из виноградных листьев, включила телефон, заказала шопский салат, картошку фри, большую чашку капучино и ледяную минералку.

Картошку фри в Болгарии подавали совершенно, как ей показалось в первый день, варварским образом – под шубой из мелко натертого белого сыра сирене. Гоша ради эксперимента заказал странное блюдо. Конечно же, оказалось, что оторваться от него невозможно.

Ей принесли еду, и она накинута на нее так, как будто не ела целые сутки – учитывая ночной инцидент в душе, почти так оно и было. В салате под той же бело-сырной шубой давали сок розовые помидоры «Бычье сердце». Аля прикончила салат за пять минут, не отрываясь. Перевела дух. Надо было притормозить, растянуть удовольствие от оставшейся картошки. Она поворошила вилкой в картофельной тарелке, перемешивая сыр. Ломтики были нарезаны неровно – какие-то больше, какие-то меньше, значит, картошка домашняя, резали прямо тут, а не вытряхивали из готовых замороженных пакетов.

Ей принесли кофе. Отношения с напитком, подаваемым в кафе, ресторанах и прочих кофешопах, были раз и навсегда испорчены одной московской знакомой – татуированной и титулованной баристой Лизой, которой Аля как-то одолжила тампон в туалете на концерте Игги Попа. Выйдя из туалета, они разговорились, свели воедино группки друзей, с которыми пришли на концерт, и на следующие выходные отправились вдвоем гулять по набережным.

Лиза рассказывала про то, как за несколько лет ушла из финансов, начала варить кофе, работала официанткой, баристой, учила персонал и сама училась разбираться в еде и в людях, участвовала в соревнованиях и занимала места, а потом завела блог и начала консультировать владельцев новых заведений.

Лиза разбиралась в своем деле – такая одержимость деталями восхищала. От нее-то Аля и узнала про кофе-тест.

Суть кофе-теста была крайне проста – в хорошем заведении кофе посетителю должны приносить правильной температуры. Не остывающим, не обжигающим – а идеальным для того,

чтобы вот прямо в тот же момент сделать первый глоток. Лиза долго рассказывала, как этого добиться – задача напоминала детскую дилемму с козой, капустой и волком и включала в себя умение баристы пользоваться кофе-машиной, расторопность и организованность официанта и прочие логистические мелочи, создающие механизм, при тонкой отладке способный доставить правильный кофе к вашему столику в предельно короткий срок.

С тех пор Аля, как это бывает, уже не могла отключить в себе полученное знание и не обращать внимание на температуру приносимого ей кофе. В большинстве заведений он, действительно, ударялся в температурные крайности, и, быстро выпивая полухолодный напиток, чтобы не остыл окончательно, или, наоборот, обжигая язык и дую на пенку, Аля каждый раз вспоминала борца с несовершенством мира в отдельно взятой кофейной чашке – Лизу – и вздыхала.

В этот раз кофе оказался слишком горячим, поэтому Аля, отставив в сторону чашку и положив в рот несколько картофельных ломтиков, открыла в телефоне почту.

Первый имейл – от мамы, с вопросом «как дела?» – почти заставил Алю тут же выйти из почты. Ответа для мамы у нее не было. Описывать ей в деталях всю ситуацию не хотелось, но надо было как-то сообщить, что в ближайшие три месяца она не вернется.

Аля быстро набрала на клавиатуре: «Все ок. У меня тут назрел интересный проект, так что думаю задержаться здесь, пока есть виза – на пару месяцев. Гоша прилетит вовремя, как изначально планировалось. Созвонимся по вайберу на выходных».

Загадочный «интересный проект» должен был занять маму до выходных, а за четыре дня Аля надеялась подкопить достаточно душевных сил, чтобы выдержать часовой разбор полетов (преимущественно состоящий из маминого монолога), случившийся у них после финала каждого Алиных отношений.

Второе непрочитанное письмо было от одного из ее учеников – сорокапятилетнего галериста с практически нулевой способностью к языкам, компенсируемой излишком энергии, блестящего экстраверта и балабола, от часового занятия с которым у Али частенько лопалась голова. У него, правда, было два плюса – бесплатные пропуски для Али на все крупные московские выставки и неплохая платежеспособность, которой Аля с удовольствием пользовалась, беря с него в полтора раза больше, чем с менее обеспеченных учеников.

Галерист только что вернулся из отпуска и очень хотел продолжить занятия. При всем желании отказываться от него сейчас было бы просто глупо, поэтому Аля написала, что, хотя она и не в Москве, она с удовольствием позанимается с ним онлайн (галерист часто ездил в рабочие поездки за границу, поэтому они периодически практиковали скайп-уроки), только вот пока не знает когда – тут Аля опять ввернула спасительный «проект» и предложила списаться на следующий день, чтобы назначить точное время.

Даже когда речь шла об онлайн-занятиях, не говоря уже об обычных уроках, Аля всегда старалась организовать максимально приятную для себя обстановку. Внешний комфорт – как попытка уравновесить постоянный внутренний «дис-» – всегда стоял для нее во главе угла. Она любила работать в абсолютной тишине, в непроходном помещении и с чайником под рукой – так что варианты преподавания из кафе сразу отменялись.

Конечно, ей не хотелось просидеть все три месяца на одном месте, но то, что между перемещениями по карте придется делать паузы в несколько дней или даже недель, было очевидно. Она даже обрадовалась вовремя всплывшему из отпускного безвременья галеристу. Он установил первый дедлайн – завтра, а значит, решать, куда двигать дальше, надо было прямо сейчас.

Из Созополя надо было уезжать сегодня – вчера случайной встречи с Гошей удалось избежать, но Аля прекрасно знала, что случайные встречи на то и случайны, чтобы рано или поздно все-таки случаться.

Кофе как раз остыл до нужной температуры, и, отхлебнув из белой чашки с красным профилем турецкого мальчика в феске, Аля открыла «Карты». Надо было двигаться к центру страны, но Але показалось, что будет легче справиться с незнакомыми болгарскими маршрутами, добравшись сначала до Бургаса – большого приморского центра к северу от Созополя, в который, если верить карте, упиралось большое транснациональное шоссе А1, начинавшееся где-то далеко на западе, в Софии, почти у границы с Сербией.

Поиск в гугле выдал, что из Созополя в Бургас регулярно ходит автобус. Расплатившись за завтрак, после пары часов, проведенных в кафе, плавно превратившийся в ланч, и выяснив у официанта, где находится автовокзал – до него предстояло пилить по жаре минут десять, – Аля выдернула зарядку из розетки, кинула в рот последний картофельный ломтик и зашагала вниз по мощеной улочке.

* * *

Междугородний автобус довез ее до Бургаса всего за полчаса.

Народу было немного, поэтому Аля с радостью заняла подходящее место у окна.

С раннего детства у нее были свои четкие представления о том, каким должно быть правильное автобусное путешествие (она их любила и, если была возможность, всегда выбирала в поездках длинные автобусные переезды из города в город) – во-первых, она должна была сидеть у окна – места в проходе даже не обсуждались, – и в редких случаях, когда у окна сесть не получалось, Аля расстраивалась на всю поездку и даже чуть-чуть после – весь смысл от такого путешествия терялся напрочь. Во-вторых, не каждое место у окна подходило – идеальным считалось то, что оставляло взгляду перспективу, равняющуюся в обычном автобусе длине обзора с кресла перед ней – так она ощущала себя в выигрыше, ведь ей доставался не только свой кусок окна, но и участок соседа спереди.

Дорога из Созополя в Бургас почти целиком пролегла по побережью, поэтому, вставив в уши наушники и покрутив колесико старого айпода, Аля прислонилась лбом к холодному автобусному стеклу и не меняла положения до самой остановки автобуса на бургасском вокзале.

Вокзал – или, как прочла Аля при въезде – «Автогара Юг» – находился на самом стыке с огромным черноморским портом. Перед тем как автобус въехал под пластиковые тенты стоянки, Аля успела ухватить краем глаза разноцветные грузовые контейнеры и желтые жирафовые шеи подъемных кранов.

В самом здании вокзала было шумно илюдно, и поначалу Аля немного растерялась. Все вывески и указатели были на болгарском, и, хотя она улавливала общую направленность близкого славянского языка, быстро разобраться, в какие кассы идти за билетами, было довольно сложно.

Найдя зону ожидания, Аля присела на пластиковое сиденье и снова открыла «Карты». Ее план действий заканчивался на Бургасе, и куда, собственно, отсюда ехать дальше, было пока неясно.

Названия ничего не говорили – о на слышала про Пловдив – крупный город прямо в центре Болгарии, но ехать сразу в середину было как-то неинтересно – все равно что перемотать фильм с десятой минуты на сороковую.

Аля переключилась на поисковик и вбила «10 лучших туристических мест Болгарии». Открыв навскидку несколько статей, она погрузилась в изучение, периодически сверяясь с картой. Если отсечь остальные приморские города – оставаться на побережье она не хотела, – ближайшим любопытным местом казался Казанлык – город роз. В идее города роз было что-то незнайкинское – такой топоним мог вполне оказаться где-то рядом с Цветочным или Зеленым

городом, и поехать туда, где каждый человек ростом с небольшой огурец, не могло быть плохой идеей.

После пятиминутного диалога на смеси русского и английского – кассирша толком не знала ни того, ни другого – Але удалось понять, что в Казанлык она может уехать с другого – Западного – вокзала, добраться до которого можно было городским автобусом, отправляющимся прямо отсюда.

До следующего рейса оставалось несколько минут, и Аля вышла на парковку. Отсюда моря было не видать, но сильный ветер бил в лицо так, что соленые брызги почти ощущались на губах. Здесь был другой воздух – наполненный запахами порта, машинного масла и водорослей, налипших на металлические борта кораблей. Аля подняла глаза вверх и увидела указатель, на котором большими буквами значилось «ПРИСТАНИЩЕ».

Позже она узнает, что это слово означает «порт», а болгарское «щ» и вовсе читается как «шт», а пока Аля восприняла это как хороший знак – пока что все, включая случайные сигареты, козырное место у окна и вынырнувшего в почтовом ящике галериста, складывалось как нельзя лучше.

Глава 3

Всю дорогу до Казанлыка Аля проспала – на Западном вокзале в Бургасе пришлось ждать нужного рейса целых три часа, и к тому моменту, как автобус тронулся со стоянки, Аля выпала из реальности в странный, родившийся из духоты вокзала сон, в котором она бесконечно залезала на шаткую табуретку, чтобы достать что-то с верхней полки Гошиного кухонного шкафа. Ножки у табуретки дрожали, и Аля дергалась от панического чувства неизбежного падения, которое часто накатывало на нее во сне.

Она открыла глаза, когда автобус причалил к обшарпанной станции с сереющими за ней невнятными блочными домами. Этот вид вызвал у нее зудящее воспоминание о спальном районе на востоке Москвы, где она выросла. Потом она переехала ближе к центру, жила в нескольких добротных, идущих квадратом сталинских домах с огромными дворами-садами внутри и успела отвыкнуть от страшноватых панелек, которые легко можно было встретить, отъехав на 6–7 станций от кольца. Она старалась не отъезжать.

Аля быстро кинула плеер и бутылку воды в сумку, выпрыгнула из автобуса и приняла чемодан из рук вылезшего помочь с разгрузкой водителя. Автобус шел дальше, и в Казанлыке, как оказалось, выходила только Аля и средних лет расплывшаяся женщина в плотных, несмотря на жару, черных лосинах. Женщина быстро удалилась куда-то в сторону блочных панелек, автобус уехал, а Аля осталась стоять, зевая, на пустынной станции.

Она зашла в здание автовокзала, нашла советских еще времен туалет с мутно-розовым кафелем, пописала, умылась, посмотрела на себя в зеркало. Вчерашнее вино, видимо, решило не покидать ее так просто и осталось мешками под глазами. Нос начинал облезать, губы потрескались. Надо было приходить в себя.

На выходе из туалета обнаружилось, что телефон опять почти разрядился, но его тусклого сияния в экономном режиме как раз хватило на то, чтобы сориентироваться в окружающем ландшафте и примерно понять, в какую сторону двигаться к центру.

С пространственной ориентацией дела у Али обстояли неважно – она могла с легкостью потеряться где угодно. Когда-то в Нью-Йорке она оценила бездушные номерные названия манхэттенских улиц – они были сделаны для таких, как она. Ее хватало на то, чтобы понять, что за 66 идет 67 стрит, и, соответственно, в другую сторону будет 65. Во всех других случаях спасал телефон или, если повезет, лежащие в гостиницах обычные бумажные карты городов с мультяшными изображениями главных достопримечательностей. Даже в родной Москве она умудрялась теряться в самом центре, нарезая круги до какого-нибудь нового бара, пока ее друзья,

теряя терпение, орала в телефонную трубку, что они уже заказали салаты и будут начинать без нее.

Выйдя из здания вокзала – телефон к этому моменту умер окончательно, – она посмотрела по сторонам и решила шагнуть направо. Слева виднелись какие-то бесконечные заправки, возможно, это значило, что в ту сторону намечается область.

Аля покатила чемодан по неровному асфальту, сплошь покрытому трещинами. Пока что город роз был безумно похож на родную провинцию – правда, без обаяния все еще оставшихся где-нибудь в районе Золотого кольца грязных улиц с деревянными особнячками двухвековой давности.

«Ничего, – подбодрила себя Аля, – мы пока не в центре. Будут мне еще особнячки».

Народу на улицах, несмотря на спадающую к вечеру жару, почти не было. Аля катила чемодан мимо трех-четырёхэтажных домов, маленьких и редко раскиданных забегаловок и шиномонтажей, пока, наконец, не приблизилась к огромному красному кубу знакомого по Москве гипермаркета. Она обрадовалась – гипермаркет сулил близость цивилизации, и действительно, прямо за ним обнаружилась эстакада, поднявшись на которую, Аля оказалась на бульваре Розовая Долина. Розовой долиной там, конечно, и не пахло, но улица выглядела довольно оживленной, мимо проезжали машины, а вдали белели неблочного вида дома с магазинами – где-то за ними, по расчетам Али, должен был быть центр.

Через пятнадцать минут Аля докатила свой чемодан до местного туристического центра – тот, конечно, был уже закрыт, но само его наличие предполагало, что центрее ей уже не оказаться. На улице совсем стемнело, и Аля вдруг поняла, что она очень устала. Сегодняшнее утро с ленивым созопольским завтраком казалось невозможным – оно могло, конечно, произойти с ней в какой-то далекой системе координат, но не имело ни малейшего отношения к текущей версии Али.

Она присела на бортик тротуара, мимо проходили парочки, выползшие из душных квартир на вечерний забег по барам. У Али колело в лопатке и совсем затекло плечо. Надо было просто найти какой-нибудь отель, но на такой серьезный квест у нее попросту не было сил.

* * *

Аля пришла в себя в ближайшем баре, когда официантка со слишком очевидным декольте поставила перед ней большой бокал пива и то, во что она наугад тыкнула пальцем в полностью болгарском меню. «Пилешки хапки», слава богу, оказались всего лишь местной версией куриных наггетсов. Заглатывая кусочки мяса почти не жуя, Аля думала, что этот день прошел практически зря – она ела, и пила, и глядела на мир из окна автобуса, но не сделала решительно ничего полезного.

Она ухмыльнулась собственным мыслям – пара встреч с московским психологом, в общем-то, бесполезных (на подходе к третьей она молча сбежала, так и не заставив себя позвонить психологу и сказать прямо, что она от него уходит), все-таки научили ее ловить себя на глубоком, берущем корни откуда-то из мутного позабытого детства чувстве вины за ничегонеделание. Аля в целом совершенно не умела расслабляться – хотя, конечно, до этого осознания за две часовых сессии она не добралась.

Со своим вечным, идущим по кругу чувством вины перед собой и окружающим миром (за безделье, за недостаточные усилия, которые она прилагала в достижении чего она точно и не знала сама, за мнимую слабость и за все то, что казалось ей непростительным, а на деле было всего лишь простым свидетельством того, что она – живой человек) Аля напоминала собачку, прыгающую через обруч под лихое «Алле-оп!» дрессировщика. С той только разницей, что если раньше ей казалось, что она делает трюк потому, что искренне любит ощущение полета

в прыжке, то теперь она начала замечать в левой руке у дрессировщика тоненький хлыст, а в правой – вкусный кусочек мяса.

– Извинявай, свободна ли тази седалка? – прилетевший откуда-то сверху вопрос выдернул ее обратно в барную реальность.

Она подняла глаза – на нее с гримасой вежливого ожидания (полуулыбка в уголках губ, брови вопросительно приподняты, извините, но на самом деле – нет) смотрел темноволосый молодой человек.

– Sorry, come again? – Аля моментально переключилась на другой язык, подумав, уже слыша свой голос, произносящий английскую фразу, что здесь могут и не понять.

– Простите... можно мне тут сесть? – молодой человек ответил на довольно уверенном английском с сильным балканским акцентом и, не дожидаясь ее ответа, опустился на стул напротив Али.

– Эхм... ну, вы как-то сами решили, что вам можно. До того, как я успела вам ответить, – буркнула она себе под нос.

– Можете сказать еще раз? Погромче? Я не расслышал, – молодой человек отпил из большого бокала пива и выжидательно посмотрел на Алю.

– Да нет, неважно.

– Посмотрите сами, вокруг нет ни одного свободного столика. Я вижу, что вам не очень-то нравится, что я тут сижу, но я просто допью пиво и уйду.

Аля не знала, что на это ответить. Раздражало то, что он моментально понял, что ей было некомфортно – вывел на чистую воду. Хотя Аля ужасно не любила «маленькие разговоры», как это называют англичане, с незнакомцами, она всегда держала лицо и была предельно вежлива, надеясь, что собеседник не уловит ее внутреннего отторжения. А этот вот уловил. Молчание затягивалось, ей становилось все более неловко.

– Вы из Англии? – Она была почти благодарна, что он заговорил первым.

– Нет, но я там часто бываю.

– Вы не любите новые знакомства, – это был не вопрос, молодой человек произнес это с безапелляционностью диагноза.

– Так очевидно?

– Вы вся сжались, когда я присел, – он сделал паузу, чтобы подобрать правильное слово для «сжались», но в итоге в его исполнении получилось «сморщились», и Аля невольно улыбнулась.

– А сейчас я вас рассмешил, и вы расслабились. Какое-то неправильное слово сказал, да?

– Да. Но это неважно, по смыслу все понятно было, – Аля скрестила под столом ноги. Прямолинейность собеседника начала раздражать ее еще больше.

– Так откуда вы приехали?

– Из России, – Аля положила в рот очередной кусочек мяса.

Молодой человек внезапно потянулся к ее тарелке, взял два наггетса и закинул их себе в рот. Аля обалдела от такой наглости и уже готова была выразить вслух свое возмущение, когда болгарин, проглотив украденную курицу, расплылся в широкой улыбке.

– О-о-о-о, так вы любите водку!

– Серьезно? Первое, что пришло в голову, да?

– Что же еще? – молодой человек лукаво посмотрел на нее исподлобья и указал пальцем на ее бокал с пивом. – Или вы любите делать «йорш»? Мешать все вместе?

– Откуда ты про ерш-то знаешь? «Йорш» произносится.

– Йорш! Хорошо звучит. От папы знаю – он в Москве в институте учился на химика. Много мне про йорш рассказывал, столько историй! Ты, например, знаешь, что существует крио-йорш?

– Это как? – Аля на секунду забыла, насколько ее раздражает молодой человек, и включилась в разговор.

– Смотри, тут все дело в технологии. Шаг первый – получаешь мороженую водку. В... такие пластиковые коробочки, куда кладешь лед...

– Форма для льда?

– Да! Наливаешь туда водку, а потом наверх льешь жидкий азот.

– И где брать жидкий азот?

– Ну, так это если ты студент-химик, у тебя есть жидкий азот. Потом водка затвердеет, превратится в кубики. А кубики кидаешь в пиво!

– А почему нельзя просто в морозилке водку заморозить?

– Ну не получится крио тогда. Как это? «Херню» получится, – «херню» он сказал по-русски и радостно улыбнулся, вспомнив правильное ругательство. – А если азотом слишком заморозить, то может весь стакан пива замерзнуть.

– То есть весь кайф в пропорциях?

– Весь кайф в точности.

– Ты тоже химик, да? – Аля потянулась за последним кусочком курицы, но захватила пальцами пустую тарелку.

Молодой человек тем временем подозвал официантку и сделал какой-то заказ.

– Не волнуйся, – заверил ее болгарин. – Через десять минут все принесут – много всякой еды. Я у них все время бываю, знаю, что тут лучше всего. И да, я тоже химик. Как догадалась?

– У тебя была такая безуминка в глазах, когда ты об азоте говорил. Всегда видно, когда человек говорит о том, что любит.

– Тебя как зовут?

– Аля.

– Это Алина?

– Нет, это Александра. Но мне не нравится «Саша», поэтому я Аля.

Официантка принесла огромную тарелку, занявшую все пространство стола между ними, и еще два бокала пива. На тарелке лежали всех мыслимых форм и видов колбасы, колбаски, сосиски и прочие мясные штучки, для которых у Али совсем не нашлось названия.

– Только не говори, что ты веган, – молодой человек подхватил на вилку длинную колбаску и откусил половину.

– На вегана можно и обидеться, – Аля поймала кусок местной салями и отправила его напрямик в рот. Остро, но вкусно.

– Ты так и не спросишь, как меня зовут?

Аля с преувеличенным интересом уставилась в тарелку, выбирая, что бы попробовать следом.

– Сашко, – представился Алин собеседник, не дожидаясь вопроса. – Мы... это... не помню слово. Одинаковые!

– Тезки.

– Тезки!

Сашко поднял в воздух бокал с пивом, и Але пришлось чокнуться. Она начала второй бокал. Пиво было таким холодным, что от стакана сводило пальцы.

– Cheers!

– Cheers!

* * *

– Секса у нас не будет, да? – голос Сашко из-за двери.
Испугала мальчика.

- Ты как вообще? Все нормально? Можно я зайду?
- Подожди снаружи! Все ОК. У тебя йод есть? Или какой-нибудь спирт?
- Открой зеркало – там за зеркалом шкафчик, на второй полке снизу афтершейв. Нашла?
- Да, спасибо.
- Ты точно ОК?
- Ага.

Аля посмотрела на свое всклокоченное отражение. Окей-окей. Вдох-выдох. Спокойно. Губы распухли – конечно, целовались в такси всю дорогу, продолжили уже на кровати, продолжили, правда, не очень удачно. Левый Алин сосок покраснел и, кажется, почти начал кровоточить.

Вообще, идея проколоть сосок была совершенно спонтанной. Более того, любые телесные модификации воспринимались Алей без особого восторга – конечно, кроме с детства проколотых двух дырок в ушах, – тут у нее вопросов не возникало. У нее никогда не было желания сделать тату – она боялась, что выберет какую-нибудь ерунду, которая через пару лет ей надоест, и придется долго, болезненно, да и не факт, что успешно, сводить картинку.

Когда-то на послешкольном кружке по танцам в ее группе была девочка – красивая, тонкая блондинка, дочка кого-то ужасно богатого – яростный, полыхающий изнутри трудный (а бывают они вообще легкими?) подросток.

Она совершенно упоительно хамила преподавателям, уборщице танцевальной студии, трамвайным контролерам – в общем, всем взрослым, пытавшимся хоть как-то упорядочить ее буйное существование. Аля, никогда с ней близко не общавшаяся, тихо ей завидовала – у нее была кишка тонка так себя вести, хотя, конечно, ужасно хотелось.

Однажды эта Алина или Алиса (она точно не помнила) появилась с выражением такого чистого триумфа на лице, что ее тут же, безо всякого дополнительного приглашения, окружили девчонки. Алиса (пусть будет Алиса) открыла рот, и все замерли. Им было по четырнадцать, они все еще ходили в школу со здоровыми рюкзаками, а не с сумочками, только начинали краситься блесками для губ и уже год как гордо носили лифчики.

Содержимое Алисиного рта они видели только на разворотах Cool Girl. Это была здоровенная серебристая штанга с двумя шариками на концах, продырявившая язык прямо по центру. Алиса шепелявила, штанга болела, язык кровил, родители не знали ничего. Статус Алисы в танцевальной группе был после этого недосыгаем и непоколебим. Стоило кому-то в нем усомниться, как она довольно отвратительным движением высовывала наружу один кончик штанги и медленно проводила им между обсыпанных розовыми блестками помады губ. Вопросов ни у кого больше не возникало.

Аля про нее и помнить не помнила до того момента, как за несколько недель до отъезда в Болгарию не оказалась в тату-салоне. Ее давняя подруга работала там администратором, и после вечера в баре они вдвоем завалились к ней на работу – благо тату-салон, он же барбершоп в самом центре, был в тот день открыт круглосуточно.

Забитый по самую шею татуировщик Иванятка, как он сам себя называл, выводил контуры масштабной японской гравюры на спине очень белого и рыхлого мужчины средних лет, который тихо кряхтел при каждом прикосновении машинки. Странно, но на белом жире спины вырисовывающийся Иваняткиными усилиями огромный карп обещал выглядеть даже изысканно, как будто его обладателем был не успешный начальник какого-нибудь офисного звена, а дебелая хозяйка борделя, воспитывающая выводок юных гейш где-нибудь в средневековой Осаке.

Аля с подругой пили пиво и хохотали над Иваняткиными шутками, белый мужик кряхтел и не участвовал в общем веселье, на телефоне копились сообщения от Гоши, на которые Аля периодически выдавала с опечатками «бду поздно непержвай я с подругойвсеок».

Через полтора часа Иванятка обмотал оформившегося карпа прозрачной продуктовой пленкой и отправил мужика восвояси до следующего раза, а еще через десять минут Алина подружка вместе с татуировщиком взяли ее на слабо, и, поскольку она была не настолько пьяна, чтобы согласиться на тату, было решено делать пирсинг.

Поломавшись десять минут, Аля как раз и вспомнила про девочку Алису – после этого выбора уже не было, в двадцать семь лет Аля могла себе наконец позволить ее уделать или, по крайней мере, приблизиться к этому ментальному призраку четырнадцатилетней умопомрачительно наглой сопли. На язык она, правда, не решилась – все-таки ставить ученикам английское произношение с хромированной палкой во рту было сомнительным удовольствием, поэтому решено было колоть невидное – сосок. Почему левый? Тут у Али никакого объяснения не было, просто левый.

Когда Иванятка взял в руки странного вида ножницы с петлями на концах, у нее возник порыв натянуть лифчик и рубашку и рвануть из тату-салона к чертовой матери, но она закрыла глаза, покрепче вжалась в спинку кресла и перенесла следующие пять минут довольно стоически.

По дороге домой она купила в круглосуточной аптеке хлоргексидин и исправно обливала им заживающий прокол и торчащую из соска маленькую штангу – выбор формы сережки был, конечно, запоздалой пикой девочке Алисе.

Гоша к пирсингу отнесся довольно спокойно, но старался лишний раз к левой груди не прикасаться, и все было прекрасно, ранка почти полностью зажила, но пять минут назад этот дурной болгарский Сашко – красавчик, конечно, с его темными глазами и улыбкой слишком большой для худого лица, – выдернул пирсинг практически с мясом. Случайно увлекся в темноте. И вот теперь Аля, стоя в одних трусах в его ванной комнате и закусив губу до черных кругов перед глазами, лила на ранку афтершейв с сильным «мужским» одеколонным запахом. Щипало нечеловечески.

* * *

– Точно все в порядке? Не болит? – Сашко насыпал в турку кофе и поставил его на плиту.
– Болит. Но пройдет. Не беспокойся, в общем, – Аля сидела на угловом диване на его небольшой кухне, укутавшись в вытянутую Сашко откуда-то из недр шкафа безразмерную толстовку.

– Я не хотел, правда. Даже не заметил, что у тебя там... Круто, кстати. Очень сексуально. Никогда ни на ком вживую не видел до тебя. Хм, ну и на тебе как раз не увидел.

Сашко достал с верхних полок пару упаковок с печеньем, высыпал их в большую глубокую тарелку и выставил на стол перед Алей.

На кухне, да и везде, где Аля успела побывать в его небольшой квартире, было очень чисто. Это была определенно мужская квартира – не было никакого намека на женскую руку, и в душе на полочке сиротливо стоял один темно-синий шампунь и один не менее темно-синий гель для душа. И все же здесь было уютно. Аля с любопытством уставилась на батарею баночек с приправами, выстроившихся ровным рядком на вытяжке.

– Ты любишь готовить?

Сашко, помешивая кофе, обернулся.

– Да, очень. Я же химик.

Аля улыбнулась.

– Ах да. Ты же химик.

Сашко снял турку с плиты и достал из шкафчика две расписных коричнево-желтых чашки с национальным болгарским узором – Аля пару раз видела такие в ресторанах, но ни разу пока не натыкалась на них в продаже.

– Молоко? Сахар?

– Молоко, без сахара.

Сашко поставил перед ней чашку с кофе и сел напротив на табуретку. За окном светало. Окна квартиры выходили в сад, и ветки массивной яблони были так близко к открытому окну, что Аля могла разглядеть капли росы, медленно падающие вниз с наливающимися яблочных эмбрионов.

Перехватив Алин взгляд, Сашко встал, перегнулся через подоконник и сорвал два кислых крошечных яблока. Он кинул одно из них Але, но, испугавшись быстрого движения, она не смогла вовремя подставить руки, и яблоко упало на диван рядом с ней.

– Извини, проблемы с координацией.

– Ты, наверное, дико уставшая – всю ночь не спала, – по его тону было сложно понять, дразнит он ее или нет.

– Ну, ты же тоже не спал всю ночь.

– Не, я бодр! Я бодр как никогда! – Сашко вдруг доверительно наклонился в Алину сторону и перешел на драматический шепот. – Я не могу быть уставшим, мне через час на работе надо быть. Если я сейчас расслаблюсь, я себя от кровати не отскребу.

– А почему шепотом? – шепотом же ответила ему Аля.

– Чтобы организм не понял, – с хитрой улыбкой Сашко отхлебнул кофе и, крепко зажмурившись, откусил сразу половину мелкого яблока.

* * *

Он ушел на работу, чмокнув ее на прощание в щеку, и Аля отпрянула, растерявшись от неожиданности жеста, а потом, слоняясь по залитой солнцем квартире, не могла перестать думать, не обидела ли его своим невежливым рефлексом. Может, он и не заметил.

Перед уходом он предложил ей чувствовать себя как дома.

– Не бойшься, что я исчезну с твоим Маком и всей остальной техникой?

– Такая тихоня, как ты? – фыркнул он в ответ.

– Разве у тихонь бывает пирсинг? – парировала Аля.

– Я бы сказал тебе, почему у тебя пирсинг, но не скажу, – как раз после этой фразы Сашко потянулся к ее щеке со своим внезапным поцелуем.

Аля никак не могла сообразить, нравится ли ей этот внезапно возникший из ниоткуда человек. Помимо безусловной обаятельности в нем было что-то, от чего у нее свербело внутри, он будто бы смотрел вглубь нее, замечая там что-то, чего она сама увидеть не могла, и это тайное знание о ее существовании каким-то образом ставило его на ступеньку выше Али.

«Какую же фигию я себе выдумываю», – дойдя до кухни, Аля налила в стакан воды из крана.

Вода оказалась такой холодной, что заныли зубы. В голове переваривалась каша из остывших мыслей – сказывалась практически бессонная ночь.

Аля прошлепала босыми ногами в спальню и попыталась закрыть жалюзи, но сначала потянула не за ту веревку, и, издав звук расколовшегося ореха, перекладинки штор застряли в перекошенном состоянии.

– Твою же! – Аля опять дернула за веревку, и жалюзи перекошило еще сильнее.

Сил распутывать застрявшие шторы не было. Аля забралась в чужую постель, легла на спину и, закинув правую руку на лицо, прикрыла глаза от солнца сгибом локтя. Она всегда засыпала в этой позе – одна рука на глазах, другая за головой – хенде хох, кляйне фройляйн, как себя ни загораживай, от снов не отгородишься.

Ей опять снилось, что она дома – по крайней мере, в том месте, которое было домом до совсем недавнего времени, – в Гошиной квартире. Он стоял у плиты на кухне и помешивал

что-то деревянной лопаткой в глубоком азиатском воке. Аля хотела подойти поближе, но тут – как это часто бывает в искаженной реальности сна – она вдруг заметила на внутренней стороне своих рук глубокие порезы. Это не было похоже на результаты подростковых игр с однолезвыми лезвиями – из ее ран совсем не сочилась кровь. Скорее это было похоже на то, как иногда в научпоп-передачах показывают ход пластических операций – надрез уже произведен, хирург раздвигает кожу в стороны, виднеется жир и невнятная масса того, что под ним. Через практически бескровные надрезы на Алиных руках проглядывал тот самый жир (хотя откуда бы столько на ее довольно худых руках), а за ним почему-то сразу белели кости.

– Гоша, Гоша, посмотри на мои руки! Смотри же! Посмотри! Тут кости! – во сне ее охватила паника, она никак не могла отвести взгляд от отвратительного зрелища.

Отвлечшись от готовки, Гоша повернулся в ее сторону и взглянул на ее руки. Совершенно не изменившись в лице, он продолжил помешивать невидимую за высокими стенками сковороды еду.

– Ты не видишь, что ли? У меня тут порезы! На руках! С костями! Гоша!

– Да ничего страшного, порезы как порезы, что ты орешь? – голос Гоши звучал так спокойно, что Аля заорала.

– Как ты не видишь? Гоша?! Гоша?!

Аля проснулась с диким, яростным визгом внутри. В Сашкиной квартире было абсолютно тихо – только тикали часы на стене.

Она спустила ноги с кровати, вытерла майкой пот в ложбинке между грудей. В голове все еще звучал собственный крик – он резонировал от всего ее тела, вибрировал где-то в районе солнечного сплетения и никак не мог успокоиться.

В комнате было душно – воздух поступал только через небольшую открытую форточку.

Толком не соображая, она подошла к окну, машинально распутала застрявшие в перекошенном положении жалюзи и открыла обе створки нараспашку. В комнату вместе с обрывками разговора влетел запах кофе и крепких сигарет – два невероятно советского вида деда в трениках и белых кепочках сидели под окном за вытащенным прямо на узкую улочку шатким столиком и играли в шахматы. Внутреннее эхо кошмара потихоньку затихало.

– Новый день. Просто еще один день, – сказала вслух Аля, и один из старичков с любопытством поднял голову в ее сторону. Она неловко улыбнулась.

– Добро утро, госпожица!

– Добро утро!

* * *

Через пару часов Аля совершенно обжилась в чужой квартире.

Она приняла душ, вытерлась своим пляжным полотенцем, закинула одежду в стиральную машину и запустила цикл.

На кухне у Сашко нашелся зеленый чай в блестящем пакете с китайскими иероглифами – видимо, заказанный с иБэя. Позже Аля поймет, что совершенно обычный по ее московским меркам листовой тегуаньинь или улун на рядовой болгарской кухне были экзотикой.

У большинства ее будущих болгарских знакомых можно будет с трудом допроситься чая в пакетиках, и чаще всего это будет даже не обычный черный или зеленый, а «билков чай» – сбор из трав, растущих на склонах Рильских или Родопских гор. Ее привычное русское чаевничанье каждые пару часов будет встречаться нескончаемым потоком шуток и остроумия, ну а пока – пока на этой солнечной кухне был хороший зеленый чай, простой заварочный чайник из «Икеи» и холодильник, доверху забитый продуктами. Этого было достаточно.

Открыв в первый раз хромированную дверь, увешанную магнитиками из разных городов, она ухмыльнулась. У ее нового знакомого был тот же хомячий синдром, что и у нее самой. Она

всегда забивала холодильник и кухонные шкафчики про запас, покупая гораздо больше продуктов, чем могла съесть. Еда портилась, треть приходилось выкидывать, бойфренды и соседки по квартирам ругались, но она не могла ничего с собой поделаться.

Возможно, в какой-то прошлой жизни она умирала от голода, и этот страшный опыт сохранился где-то на самом доньшке подсознания. В этой инкарнации за все 27 лет голодать ей не доводилось ни разу, но она никогда не пыталась бороться со своим иррациональным порывом – где бы она ни жила, вид полного холодильника всегда имел хороший успокоительный эффект.

На кухонном столе она разложила всю свою разномастную технику, воткнув зарядные устройства в рядок розеток над столом. Здесь все было сделано удобно – на расстоянии вытянутой руки. Казалось, сидя за столом, можно было дотянуться до чего угодно или, в крайнем случае, сделать всего один лишний шаг.

Отхлебывая из чашки зеленый чай, Аля ждала, пока окончательно разрядившийся ноутбук проснется и загрузит рабочий стол. В этой случайной квартире она неожиданно почувствовала себя нормально – впервые, пожалуй, за несколько последних месяцев. Но что будет дальше – да хотя бы вечером, когда Сашко придет с работы?

Она не знала, хочет ли она с ним спать, хочет ли провести в этом городе, который она толком не успела разглядеть за вчерашний вечер, несколько дней? Недель? Хочет ли она, едва сбежав от одних отношений, сразу очнуться в некоем подобии других, пусть и всего на пару дней? Или просто пожить у этого беспокоящего ее мальчика пару дней, поспать на кухонном диванчике – он достаточной длины, можно даже вытянуться в полный рост, поболтать с ним о его химии?

То, с какой легкостью он оставил ее у себя дома, давало повод думать, что он не будет против, если она решит остаться.

Компьютер наконец вернулся к жизни. Кликнув на треугольную иконку доступа в Интернет в правом нижнем углу экрана, она обнаружила, что доступ к вайфаю запаролен, и вдруг поняла, что у нее даже нет номера Сашкиного телефона.

Аля решила вернуться в спальню, где на небольшом рабочем столе стоял обтекаемый маковский моноблок. Над столом висели полки, заставленные книгами – непонятные, видимо, химические тома со смутно знакомыми со школы формулами на обложках, руководства по бизнес-администрированию и пара продвинутых учебников английского. На одной из полок перед книжным рядом стояла фотография более чем вековой давности – в углу черно-белого фото стояла дата 1907.

На фотографии белело одноэтажное здание с верандой, укрытой черепичным навесом – судя по вошедшей в кадр белой вывеске со словами «Розово масло», здание было частью фабрики. Перед ним с дюжину людей застыли в вечности в невероятно динамичных для фотографии такой давности позах. Аля привыкла к постановочным фото того времени – в ее семейном альбоме сохранилось несколько портретных пра-пра-карточек, но эта фотография была совсем другой.

С левого края, почти выходя за рамки кадра, замер мальчик лет семи в матросском костюмчике и широкополой соломенной шляпе, его левая рука застыла на полпути к лицу. Казалось, что, если снять фотографию с «паузы», его указательный палец через пару мгновений окажется прямехонько в носу.

Рядом с ним усатый мужчина в белой рубахе и кожаном фартуке льет что-то (то самое розово масло?) из гигантского глиняного кувшина – вот-вот выскользнет из рук! – в деревянную кадку. По другую сторону кадки сутулый грузный мужик в кепке и с сигареткой в зубах – вот она, балканская безмятежность – совсем не спешит помогать своему нагруженному тяжелым кувшином коллеге.

Недалеко от них, в самом центре композиции, вокруг вынесенного на свежий воздух стола – владельцы фабрики, трое мужчин в добротных костюмах-тройках. Один сидит, грустно уставившись на стоящие на столе колбы и склянки – видимо, какой-то дистиллят розового масла, второй смотрит куда-то вдаль, за границы кадра, а третий – немного похожий на Николу Тесла в легкомысленной шляпе-канапе, в руках у него огромная учетная книга, раскрытая ровно посередке.

Справа от них подросток-разнорабочий держит на плечах корзину с розовыми лепестками – корзина размером с половину его самого, и кажется, что лепестки вот-вот выпадут из нее наружу и разнесутся легким летним ветерком по двору фабрики. Они застрянут в волосах девочки в длинном светлом платье и туфельках на застёжке, пролетят мимо еще одного костюмного господина – этот снял пиджак – жарко же – и стоит почти спиной к камере в своих плотных брюках и белой рубашке со стоячим воротничком (больше таких стоячих не делают) и сатиновом жилете, отражающем солнечные блики, – и осядут на траву где-то в юбках молодой женщины с правого края фотографии. Она стоит так далеко, что ее лица почти не видно, но кажется, что она улыбается. Осиная талия, белая шляпка, прямо за ней – огромные металлические чаны, а в них – текучее, золотое, сбивающее с ног своей тяжелой терпкостью то самое розово масло. Такая вот фотография.

Аля поставила рамку на место и обнаружила, что прямо под ней на полку был прилеплен цветной стикер с набором цифр, слишком длинным, чтобы быть чьим-то телефоном. Вернувшись на кухню, она вбила комбинацию в компьютерное окошко, и связь с внешним миром была восстановлена.

* * *

Аля не знала, когда хозяин квартиры обычно возвращается домой, а вопрос ключей они с Сашко как-то не успели обсудить до его стремительного утреннего исчезновения. Поскольку прогулка по городу ввиду отсутствия ключей и особого желания отпадала, Аля решила выработать хотя бы какой-то план действий.

Открыв перед собой ноутбук, она задумалась. Решения о собственных передвижениях приходилось отложить до прихода с работы ее нового знакомого, и на Алю вдруг навалилось беспокойство – как будто все стыки, все органы внутри были размазаны, размыты и заблюрены в одно неопределимого цвета мягкое месиво.

Такое рыбное – как она сама это называла – состояние накатывало на нее каждый раз, когда размывались границы контроля, когда ситуация выскальзывала из ее рук, и от нее самой ничего не зависело.

Пытаясь отогнать тревогу, она залезла в почту и написала коротенький имейл ученику-галеристу – дала знать, что в ближайшие несколько дней готова к занятию. Никто не знал, как все может измениться даже к концу сегодняшнего вечера, но, по крайней мере, у Али была иллюзия того, что существует план, который можно с легкостью проиграть в голове. Да-да, сегодня, завтра и послезавтра я буду в тихой солнечной квартире вбивать в резиновую твою башку сослагательное наклонение и грызть кислое яблочко прямо с этого самого дерева.

К ее удивлению, ответ пришел почти мгновенно – и совсем не тот, что она ждала. Господин галерист спрашивал, не будет ли ей удобно позаниматься прямо сейчас – ну, или, допустим, через полчаса. Завтра и послезавтра тяжело – у брата в выходные юбилей, через два дня открываем выставку, вы знаете, милая, как оно.

Аля почесала ногу – на голени отходил обгоревший кусочек кожи. Ну что ж, деньги лишними не бывают, а полтора часа в компании Алексея Игнатьевича (Игнатьевича она прекрасно помнила, а вот Алексей каждый раз упорно вылетал из головы, и пару раз она называла его то Андреем, то Александром, пока, в конце концов, не начала перед занятиями писать себе

ручкой на внутренней стороне ладони «Леха», большие корявые буквы прекрасно врезались в память, и проблем с именем больше не возникало) обещали вывести ее из навалившейся апатии.

* * *

Следующие два часа пролетели почти мгновенно – за полчаса Аля немного собралась с мыслями, нашла в чемодане приличную чистую футболку, полистала свои программы и вспомнила, какую тему они с Игнатъевичем мучили в последний раз. Потом заварила себе две порции кофе, перелив его в массивную керамическую пивную кружку, стоявшую за стеклом в одном из Сашкиных кухонных шкафов, и нажала на нужный контакт в скайпе.

Связь, к счастью, оказалась чистой, и они с галеристом поплыли по привычным водам английского для продолжающих. С продолжающими Аля, конечно, галеристу льстила – дальше начинающего ему продвинуться не удавалось, но он был из тех, кого тотально деморализует собственный неуспех, поэтому – по его же собственной инициативе – они медленно ползли вперед, брались за слишком сложные для него темы, в общем, теряли время.

Как преподаватель, Аля поначалу совсем не хотела идти у него на поводу, но в какой-то момент поняла, что свободно говорить по-английски Леха так, наверное, никогда и не начнет. Зато осилив очередную тему или, по крайней мере, решив так для себя, этот сверхдостигатель уходил от нее в отличном настроении. Напряженный все полтора часа, он под конец оттаивал, расслаблялся и начинал говорить о своем деле.

Периодически Аля даже саботировала их занятия, подводя урок к завершению на десять-пятнадцать минут раньше – слушать Игнатъевича, говорящего по-русски, было гораздо большим удовольствием.

Он не столько говорил о живописи, сколько о жизни за ней. Он знал все и обо всех – адреса лотрековских проституток, имя невестки Ван-Гога, любимое блюдо Саввы Мамонтова в ресторане «Мавритания», – живопись во всех ее проявлениях становилась продолжением совершенно осязаемого, даже уютного ежедневного существования людей, ее создававших. В рассказах галериста они почти звучали его родственниками – чудаковатыми любимыми дядюшками, о которых всегда есть несколько забавных историй.

Родственные отношения с великими Игнатъевич продлевал за рамки работы. Аля, пару раз занимавшаяся с ним в его небольшой холостяцкой квартире на Китай-городе, была совершенно поражена размахом его коллекции антикварных вещиц, каждая из которых хоть каким-нибудь боком да касалась истории живописи. Даже у такого весьма обеспеченного человека не хватило бы средств скупать личные предметы пользования прерафаэлитов или передвижников, поэтому галерист дотягивался до великих через одно рукопожатие. В его квартире обрели дом зингеровская ножная швейная машинка, принадлежавшая когда-то музе Дейнеки Серафиме Лычёвой, потемневший от времени ножик для писем начальника почтового департамента Фёдора Прянишникова – покровителя Репина, и даже металлическая заколка для волос, которую, как утверждал галерист, можно было увидеть на портрете Натальи Петрункевич кисти художника Ге. Правда, погуглив дома ради интереса последнюю картину, Але так и не удалось разглядеть никакого металла в темных косах замершей у раскрытого в майский лес окошка Натальи Ивановны.

Сегодняшнее занятие, к Алиному сожалению, проходило без отклонения от заданного грамматического курса – о тдохнувший и загорелый Игнатъевич был как никогда уверен в собственных лингвистических талантах и совершал бесконечно поправляемые Алей ошибки с особым энтузиазмом.

Она не любила свою работу – не ненавидела, но и не получала удовольствия. Аля оказалась в инязе из-за неплохих способностей к изучению языков, настояния матери и отчима,

решивших, что знающий английский язык всегда себя прокормит, но больше из-за совершенного отсутствия малейшей страсти или интереса к какой бы то ни было профессии.

Ее друзья, которых с недавнего времени было принято описывать смешным гибридным словом «креаклы» (кентавры? гераклы? – античность кокетливо выглядывала из-под сурового классового сокращения), уже успели влюбиться в свои профессии, не преуспеть и разочароваться, преуспеть и влюбиться еще больше, поменять три раза институт, направление, географию – в общем, переживали свои сложные романы с призванием, в то время как Аля спокойно катилась по готовым рельсам – магистратура, фриланс, письменные переводы, ученики. Денег всегда хватало, но...

«Но» периодически возникало в Алиной голове после особо изматывающих занятий, после дежурных ссор с матерью, смен квартир, неудавшихся уходов от Гоши – в общем, в моменты, когда, лежа под одеялом носом в подушку, ставишь под сомнение каждый сделанный или не сделанный до сих пор выбор. Обычно Аля так и засыпала, вяло гоняя по кругу обвинения себя и других во всем этом несчастье, а просыпалась на следующее утро уже починившейся – за ночь мозг загонял сомнения куда-то в самую глубину, оставляя утренней Але только мутное, но быстро смываемое горячим душем чувство вины.

Сейчас, слушая вполуха и машинально поправляя делающего вслух очередное упражнение галериста, Аля думала о том, как она ему завидует. И всегда завидовала, просто раньше признаваться себе в зависти было равносильно признанию себя не самым лучшим человеком. Теперь, оставив Гошу одного на созопольском пляже, считаться хорошей уже не приходилось. Неожиданно для себя Аля расслабилась и разрешила себе остро и совершенно без стыда завидовать этому загорелому мужчине, влюбленному в свои коллекционные штучки-дрючки, готовому ругаться, орать до хрипоты, гонять взмыленной лошадей по всей Москве, но привезти выставку вон того француза или вот этого немца.

– Такие работы, Алечка, вы за-ка-ча-е-тесь, вот приглашение – где у меня были приглашения? – приходите на открытие, друзей берите, будем смотреть, будем жрать этого мерзавца глазами!

Такой любви внутри нее не было. И ей стало грустно, но она позволила этой грусти быть и довела до конца урок, и выключила скайп, и села у окна, и не стала комкать эту грусть и запихивать ее на самое дно себя.

Во входной двери повернулся ключ – вернулся домой Сашко. Он зашел к ней на кухню, кинул на стол пластиковый пакетик, из которого пахло чем-то свежее испеченным.

Аля открыла – от лежащей внутри свежей баницы шел пар. Она оторвала себе кусок – слои теста, белейший сыр, жирные пальцы – так вкусно и горячо!

Сашко плюхнулся на кухонный диванчик рядом с ней.

– Что делаешь?

Аля посмотрела на него и улыбнулась во весь рот.

– Грущу!

Глава 4

– Ты мне так и не рассказала, как тебя сюда занесло.

Аля нажала на кнопку, опускающую стекло вниз. Было около семи вечера, все еще светло и жарко, но чем выше они поднимались в горы по вихляющей серпантинной дороге, тем прохладнее и свежее становился пахнувший лежалой хвоей воздух.

Это был ее шестой день в Казанлыке – почти неделя, за которую они так и не переспали. Все застряло на каждодневном флирте, бесконечной, но неутомительной пикировке, легких жестах и прикосновениях – как будто ей было опять семнадцать. Это было странно, во всех отношениях странно, обычно Аля оказывалась в постели с тем, кого хотела, на первом или

втором свидании – зачем тянуть? Но тут после их первой, завершившейся выданным пирсингом попытки они так и не смогли вернуться к незавершенному, но и не прекратили играть друг с другом. Аля прекрасно понимала, почему не делает первый шаг – эта неднеделя в тихом городе роз расслабила ее до того, что она была способна только дрейфовать куда-нибудь по течению, но никак не грести самой.

Каждое утро Сашко уходил на работу, а она продолжала спать до полудня, иногда до часу, переворачиваясь с боку на бок, открывая глаза, листая ленту фейсбука и засыпая вновь. Потом, наконец, поднималась, варила кофе и выкуривала первую.

Она решила – пусть в Болгарии можно все, что нельзя в другой жизни, – и в первую очередь под это приятное правило попали сигареты. Первые пару раз ей было обидно признавать собственное поражение, и при мыслях о том, что она заново закурила, недотерпев немного до второй годовщины последнего бросания, на нее накатывало чувство вины. Но потом оно начало медленно гаснуть и два дня назад не пришло вовсе, сменившись на робкое присутствие мысли «могу себе позволить».

Потом она выползала на улицу, добредала по жаре до городского парка и валялась весь день на деревянной скамейке, глотая книги одну за другой.

По вечерам они встречались в парке, пили пиво, шатались по крохотному центру, пару раз сходили в кино, говорили, возвращались домой... и опять не спали вместе.

И вот сегодня они едут на машине в горы, наверх, посмотреть на Шипку, и Сашко опять хочет узнать о ее жизни, а Аля – Аля просто не хочет думать о том, что где-то есть весь тот мир, из которого ее сюда занесло. Гоша, наверное, уже в Москве, сидит в квартире, кормит кота. Может быть, разговаривает с ним, жалуется на нее. Кота надо забрать, конечно. Куда я без кота? Нет, нельзя про кота. И про Гошу нельзя. Вполне достаточно того, что вокруг лес, который пахнет так, что можно набирать в склянки воздух и продавать их задорого в интернете несчастным задыхающимся китайцам в марлевых повязках.

– Такой пейзаж увлекательный? Или ты так вопроса избегаешь?

– Ну, допустим, избегаю, – Аля повернулась к нему и дразнящим движением взъерошила Сашкины и без того всклокоченные волосы. – Ты на дорогу лучше смотри, а не на меня.

* * *

Они бросили машину у подножья монумента. На стоянке, а значит, и наверху, кроме них, не было никого. Сашко ушел вперед, и Аля побрела вверх по массивным гранитным ступеням вслед за ним. Лестница была длинной – ступеней триста, четыреста, а может, и все шестьсот. Она не могла определить на глаз, а начинать считать было уже поздно – она забралась вверх как минимум на треть.

Аля машинально переставляла ноги, глаза сфокусированы на монотонном каменном чередовании – раз, два, три, четыре и пять, шесть, семь, восемь. С детства она про себя считала на четыре и на восемь, почему-то так было легче, чем на пять и десять. Вдруг она обернулась, и ударивший по глазам пейзаж чуть не сбил ее с ног – в последний момент она выправила пошатнувшуюся на очередной кромке ступню.

Аля присела на ступеньки и скинула с плеча сумку. Под ней были горы – темно-зеленые, бесконечные, наслаивающиеся друг на друга, такие, какие часто показывают в фильмах и редко – в жизни.

Сашко прискакал откуда-то сверху и опустился на ступеньку рядом с ней.

– Ты окей? Я не заметил, как ты остановилась. Устала?

Аля молча помотала головой и вытащила из сумки пачку сигарет.

– Зачем тебе солнце, если ты куришь Шипку, – процитировала Аля по-русски, вытащила одну сигарету себе и протянула пачку Сашко.

– Что? Что-то про Шипку? И «солнце»?

– Солнце по-русски.

Сашко поднес ей зажигалку.

– Ну, я тебя не понимаю. Объясни по-английски, какое солнце.

– Я тут, кажется, давнюю мечту осуществляю.

Про поэта он, конечно, не знал. Ну, может, мельком слышал.

Когда-то подростком она, как и большинство ее друзей, зачитала два тома стихов до дыр. Поэт был паролем, пропускным кодом, открывавшим дверь в мир «своих». У «своих» в ходу были понятия «интеллектуальность», «начитанность» и «насмотренность», и жили они вполне буквально по понятиям. Потом она немного выросла, поняла, что с поэтом пока не получается – ту подростковую слепую волну она переросла, а до нового витка понимания ей все не хватало чего-то, и два тома не открывались последние лет пять, исправно, впрочем, переезжая вместе с Алей с квартиры на квартиру.

Поэт, правда, продолжал быть частью ее внутреннего монолога, вовремя всплывая оставшимися в голове с пятнадцати лет, а значит, вряд ли из этой головы выбиваемыми, отдельными строчками.

– «Шипка», помимо реального места в вашей и нашей истории, это сигареты такие в Союзе были. Как раз от вас, из Болгарии, они к нам и шли. Видишь, как момент совпал, – Аля указала на почти закотившееся за одну из гор тяжелое розовое солнце. – Зачем тебе солнце, если... Только там в стихе «Солнце» – тоже сигареты, тоже болгарские. Я сначала не знала. Про «Шипку» знала, а про «Солнце» – нет. В оригинале с большой буквы, я думала, это символизирует что-то. Потом увидела в английском переводе, а там во множественном числе – Suns. Тогда погуглила, оказалось, тоже курево. – Аля сделала последнюю затяжку и затушила бычок о парапет. – Никогда не думала, что окажусь на этой самой Шипке.

– Тебе все еще так одиноко?

Сашко застал ее врасплох, в середине затяжки, она подавилась дымом и закашлялась.

– В смысле?

– Пятнадцатилетние подростки нобелевскими лауреатами не зачитываются. Или какой он там лауреат.

– Нобелевский. Ну, некоторые зачитываются, некоторые – нет. Если ты не зачитывался, это не значит...

– Я тебя не атакую.

– Я вообще-то и не думаю, что ты меня...

– Слушай, вот ты мне рассказала про своего поэта, и мне показалось, что ты – такая же. Как в пятнадцать. Не изменилась. Со своими – как ты там их назвала – понятиями. Только понятия другие. Поэтому я и спрашиваю, тебе так же одиноко, как тогда?

– Иди ты в жопу, а? – Аля кинула пачку обратно в сумку, поднялась и быстро зашагала вверх по ступеням. – Весь момент мне порушил.

– Я знаю, что такое «жопа» по-русски! Эй! Я не хочу тебя обидеть, просто говорю, что думаю.

Аля не обернулась и продолжила шагать наверх, только увеличив темп. Сашко за ее спиной совсем не спешил ее догонять. Он смотрел на зеленые горы и улыбался.

Наверху в центре большой каменной площадки возвышался сам памятник Свободе – башня, потерявшая замок, ацтекская пирамида, потерявшая объем. На воротах башни стоял огромный каменный лев с грудью, раздутой застывшим в гранитных бронхах рыком.

Аля обходила башню кругом, когда ее все-таки догнал Сашко.

– Эй, послушай меня. Не отворачивайся!

Аля повернулась к нему. Ну да, нос у нее покраснел, глаза – тоже, вот-вот расплечется.

– Слушай. Вот у нас с тобой культурная пропасть, да? Разный бэкграунд, понимаешь? Как папуаса два, никогда друг друга толком не пойдем. Но вот у нас есть такая песня, я ее подростком слушала, да-да, тоже в пятнадцать, не перебивай. Там строчки такие – «я умираю со скуки, когда меня кто-то лечит».

– Лечит – это метафора?

– Лечит – это сленг такой русский. В общем, не лечи меня, у тебя на это нет разрешения.

– А чье должно быть разрешение?

– Ну, как минимум, мое.

– Хорошо! – легко согласился Сашко. Он выудил из своего рюкзака толстовку и протянул ее Але. – Давай надевай, у тебя, вон, мурашки по коже побежали.

– И все?

– А, а ты еще и поссориться хотела, да? – он опять застал ее врасплох, и Аля молча натянула на себя кофту.

– Пошли я тебя вон с теми пушками снимаю. Давай-давай, последние секунды «золотого часа» поймаем.

Она полезла вниз на маленькую лужайку к пушкам времен русско-турецкой войны, а он щелкал ее на свой экзот и объяснял про «золотой час», в который лучше всего делать снимки, потому что пойманное в объектив последнее солнце смягчает черты и дает легкое золотое свечение всему, что в кадре.

Она слушала вполуха. Разрешиться так и не получилось, а все еще хотелось. Комок в ее горле продолжал свербеть, и в глазах дрожали, но так и не скатывались вниз по щекам слезы от близости этого оглушительного закатного пейзажа и от выданного ей с такой легкостью диагноза. Ей не хотелось об этом думать, но комок, пожалуй, был прямым физиологическим подтверждением того, что диагноз был верным.

Сашко прыгнул к ней и начал показывать отснятые кадры. На фотографиях была не она. То есть она, конечно, тот же самый человек – те же торчащие ключицы и выгоревшие на солнце волосы, те же светлые глаза и губы, немного великоватые для ее лица. Но эту себя – облокотившуюся на пушку из учебника истории за десятый класс где-то на вершине мира – она не знала. У нее не было времени и, пока что, пожалуй, желания изучать этого человека. Алю хватало только на то, чтобы наблюдать себя со стороны.

Ей вдруг резко стало много. Накатило чувство какого-то давящего, переливающегося через край излишка – слишком красивое место, смотрящий слишком насквозь спутник, слишком незнакомая женщина на фотографии.

Аля присела на парапет и посмотрела на свои пыльные пальцы ног в открытых босоножках. Оранжевый педикюр на ногтях держался с Москвы. Пожалуй, это было единственное, что осталось без изменений.

«Ну, хорошо, – подумала она. – Педикюр как константа».

Она задумалась, константой чего может быть педикюр, но решила, что ну его к черту еще об этом думать.

А вслух сказала:

– Поехали-ка отсюда.

* * *

На следующий день Сашко разбудил Алю в шесть утра.

– Вставай-вставай! Сегодня поедешь вместе со мной, – Сашко пощекотал ее пятку, и Аля тут же убрала ногу под одеяло.

– Никуда я не поеду, я спать хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.